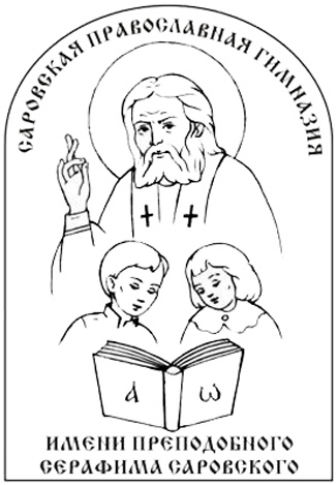
Международный открытый грантовый конкурс
«Православная инициатива»

Негосударственное общеобразовательное учреждение религиозной организации «Саровская православная гимназия имени преподобного Серафима Саровского»



ДЕТИ СЛУШАЮТ ВЗРОСЛЫХ

НАТАЛИЯ СУЗДАЛЬЦЕВА,
директор

Рисунок Кустовой Марии

Хочешь быть Пушкиным? Будь!
Ты же родился в России!
Есть лишь дорога и Путь,
Есть лишь Пилат и Миссия.
Хочешь быть Пушкиным? Будь!
Осенью в каждой деревне
Клены багрянцем цветут,
Грезя о чудном мгновенье.
Хочешь быть Пушкиным? Будь!
Хватит на всех Черной речки.
Целься противнику в грудь –
Он не подарит осечки…
Хочешь быть Пушкиным? Будь!
Каждый во сне своем гений,
Каждый хотя бы чуть-чуть
Пушкин в минуту рожденья!

Школа

Я люблю этот дом, когда он пуст,
Когда в нем царит тишина.
Классы закрыты, и летняя грусть
По дому бредет не спеша.
Солнце! Каникулы! А здесь – холодок,
Запах краски и окна без штор.
Из отпуска тянет зайти на часок,
Странно манит пустой коридор.
Я люблю этот дом, когда он полон,
Люблю череду звонков,
Люблю перемены, ребячий гомон,
Люблю запах каш и блинов.
Бывают, правда, тяжелые дни –
И кажется: всё! ухожу!
Чьи-то тетради, чей-то дневник,
Я просто с ума схожу!
Но это лишь сплин, мгновенье прошло,
Не стоит судьбу менять.
Я люблю этот дом, несмотря ни на что!
И надеюсь, он любит меня…

ЕЛЕНА ЕРШОВА,
заместитель директора
по воспитательной работе
(мама Хлыстовой Марии)

Рисунок Хлыстовой Марии

В Сарове мы живём, друзья,
Где батюшка жил сам.
Одну историю сейчас
Поведаем мы вам.
Однажды, давнею порой,
Паломники гурьбой
На богомолье летним днём
К Сарову шли толпой.
Народ был разный: бедняки,
Калеки, детвора…
Дворяне тоже к старцу шли –
Дорога всех вела.
У путников уставший вид –
Неделю всё ж в пути.
Вот келья батюшки стоит,
Но старца не найти.
«Убёг!» – послушник говорит. –
«Он тут, недалеко!
Спешите в поле, может быть,
Догоните Его!»
И православная толпа,
Чтоб старца посетить
Решила впереди себя
Детей своих пустить.
Бегут ребята по траве,
Родители идут.
И слышат птицы в вышине,
Как батюшку зовут.
Скрывался старец Серафим,
Хотел побыть один,
Но лишь услышал детский крик,
Как показался им.
Детей счастливая толпа
По промыслу Творца,
Через минуту вся была
В объятиях отца!
Вот и родители спешат
Увидеть старца взгляд.

За то, что батюшку нашли,
Детей благодарят.
Покорно батюшка вздохнул –
И утешал людей,
Молился с ними, вдохновлял
И женщин, и мужей.

Рисунок Курякиной Татьяны

ТАТЬЯНА ГРИШИНА,
учитель начальных классов

Рисунок Савельевой Алисы

Отрывок из повести «Праздники души, или Васюта»

Подошёл Великий пост. Вся скоромная пища была припрятана. Семья перешла на постный стол. Никогда и никем пост в семье не нарушался: ни малыми, ни старыми. Великий пост встречали с большой радостью: готовили душу, сердце, мысли, дела и тело к Великому празднику – Пасхе. Ожидание Торжества грело душу. В семье Васюты наступило особое время: много не разговаривали, не шутили, не смеялись. Ваське иногда казалось, что время остановилось и не движется вперёд. Но оно шло, ежедневно приближая всю семью Василисы и всех православных христиан к самому прекрасному празднику.

В один из вечеров мама набрала корзину картошки, завязала в один узел банку огурцов, в другой свежий кочан капусты и по-

звала с собой Васю. Они вышли на улицу, когда уже совсем стемнело. Васюта несла в руке кочан капусты.

– Мама, куда мы идём? – спросила Вася.

– В гости, – тихо ответила мама.

Шли они недолго. Остановились у домика, наполовину вросшего в землю. Мама подошла к покосившемуся крыльцу и тихо положила все припасы на прогнившие доски. Затем подошла к углу дома, тихонько стукнула в окно и быстро пошла от дома, взяв за руки дочку. Васюта оглянулась назад и увидела, как в доме зажгли фонарь. Кто-то вышел на крыльцо и осветил его. Мама с Васютой услышали радостный возглас: «Ой! Еду подали. Слава тебе, Господи! Опять сыты будем». Мама с радостью перекрестилась и прибавила шагу. Они шли быстро и молча. Только тогда, когда удалились на большое расстояние от того дома, мама перевела дух и глубоко вздохнула.

– Ну, слава Богу! – выпалила она и довольная подошла к своему дому.

– Мама, а почему ты понесла еду бедной Марфе ночью? – спросила Василиса.

– Чтобы никто не видел, – ответила мама.

– Почему? – дочка приставала с вопросами.

– Нельзя делать подаяние напоказ. И рассказывать об этом не нужно.

– А ведь у нас самих немного еды.

– Надо уметь делиться малым, большим-то поделится всяк сумеет, – заметила мама. – Я знаю, что такое быть бедным. Раньше мы тоже жили очень бедно. Когда ты родилась, тогда также трудно было. Но прошло немного лет, и у нас сейчас есть что поесть, что надеть. Во дворе появилась коровка, другая живность. Понимаешь, Господь всё нам дал. Говорят, что Бога нужно благодарить за то, что у тебя есть, и Он даст тебе то, чего у тебя не хватает, – заключила мать.

Василиса молча выслушала маму и попыталась понять сказанное, но пока ей это было трудно.

Весна вступала в свои права. Она хозяйничала повсюду: в поле, в саду, в лесу. Грачи уже прилетели. Они важно расхаживались перед домами. А ребятня ждала скворцов. Это событие волновало всех ребят. Каждый надеялся увидеть их первыми. К их прилёту

готовились тщательно. Нужно было отремонтировать скворечники и повесить на прежнее место. Это входило в обязанность старших ребят.

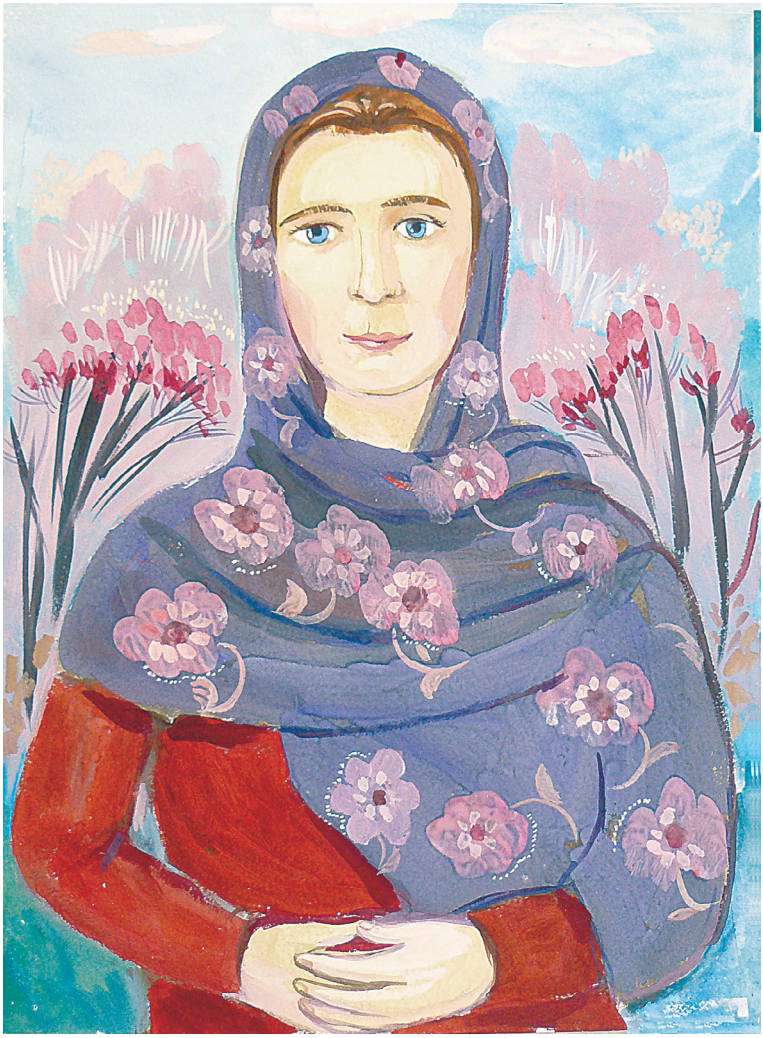


Рисунок Королевой Татьяны

В один из весенних дней Васюта вышла погулять. Вдруг она увидела у соседей возвышавшийся новый скворечник и опрометью побежала домой.

– Ванька! Ванька! – задыхаясь от волнения, проговорила Васька брату. – Представляешь, у Игнатовых уже новый скворечник стоит. Понимаешь, они опередили нас. А мы, когда поставим? – чуть не плача спросила она.

– Завтра, Василиса. Завтра поставим. Не переживай, – успокоил её старший брат.

– А Игнатовы, когда уже успели сделать? – спросила Васюта.

– Сегодня поставили. Я им помог. Ведь у них папы нет.

– Да?! – замешкавшись, произнесла Вася. – Ну и хорошо, что помог, – спохватившись, сказала Василиса. – Пусть в этом году у них первых скворечник будет, – окончательно успокоившись, произнесла она. – А я где была в это время?

– Ты в этот момент ходила к подружке в гости, – смеясь, проговорил Ваня.

Но всё-таки для Василисы это была потеря. Как же она проморгала такое важное событие – установка скворечника. Она очень любила наблюдать, как старшие ребята, собираясь все вместе, ставили поочерёдно в каждом дворе скворечники. Сегодня – у одних, потом – у других, дальше – у третьих…

– А ты знал и мне ничего не сказал? – опять надувшись, продолжала Василиса.

– Да забыл я, – улыбаясь, ответил Ваня. – Дела важные у меня.

– А какие? – не отставала от брата Васька.

– Наш скворечник совсем сгнил. Старый уже. Надо новый строить.

– А чего же ты не делаешь? Ведь умеешь! – всё никак не унималась Василиса.

– Нечем строить. Инструмент у папы. А он только завтра с заработка приедет, – разъяснил брат.

Папа в Великий пост каждый год уезжал по сёлам на подработку. Он был плотник. И руки плотника были нужны. Кому сарай починить, кому крышу подлатать, кому сруб срубить. Обычно папа уезжал недель на пять-шесть и возвращался только перед Пасхой. Вся семья с нетерпением ждала возвращения отца. Он привозил обновки и гостинцы. Мама берегла всё к празднику. Но кусочек калача и конфету дети всё-таки получали. Папа, несмотря на запреты матери, давал послабление детям в честь своего приезда.

– А у нас ещё один скворечник есть, – сказала Васюта.

– Другой я вычистил. Он ещё сгодится, – ответил Ваня.

– А давай завтра повесим хотя бы старый. А то прилетят наши скворцы, а у нас и домик-то для них ещё не готов, – настаивала девчушка.

Рисунок Финюшиной Ксении

– Повесим, не переживай. Будет тебе не один скворечник, а два, – ответил брат.

Василисе очень хотелось, чтобы скворцы первыми появились в их скворечнике. Это было настоящим весенним подарком от пернатых. Но как уж сложится. Ведь неизвестно, когда и какому

дому быстрее подлетят скворцы. Прилёта их ждали с нетерпением все: и взрослые, и дети. Птиц ждали и любили. Это была любовь долголетняя и неизменная. Люди радовались появлению скворцов около дома и сильно волновались, если вдруг случалось, что дом оставался без птиц. А такое случалось: кошка могла залезть и Рисунок Финюшиной Ксении разорить гнездо. Когда у птиц выводились птенцы, самец и самка улетали за питанием для скворчат одновременно. В этот момент и могла подобраться кошка к скворечнику. К сожалению, такое было не раз. Тогда горевали всей семьёй о пропавших малышах.

На другой день Васютка ещё нежилась в постели и вдруг услышала говор у своего дома. «Папа приехал!» – подумала она. Но, выглянув в окно, девочка увидела у дома собравшихся ребят. Они что-то обсуждали. Васюте не терпелось узнать, о чём говорят старшие. Она быстренько выскочила на крыльцо дома. Ребята обсуждали постановку скворечника у их дома. Васюту охватила радость. Наконец-то! Со двора вернулась мама и приказала дочке вернуться в дом.

– Простудишься и заболеешь. Тогда как будешь встречать Праздник Воскресения Христова? Да и папу огорчишь своей болезнью, – ласково ворчала мама на Васюту.

Но Вася не могла пропустить такое важное событие. Она быстренько вернулась в дом, умылась, оделась и выбежала на улицу.

– А завтракать? – крикнула вслед дочке мать.

– Мам, там скворечник сейчас ставить будут. Я потом поем.

– Ух, неугомонная! – бросила мама вдогонку. – Всё ей надо и везде надо быть, – продолжала сердиться мама. – Я больше на стол собирать не буду. Терпеть будешь до обеда.

Но Василиса уже не слышала маминых слов. Ей сейчас было важнее принять участие в таком интересном мероприятии. Хоть рядом постоять и то счастье. Ребята уже прибивали скворечник к жерди. Но тут обнаружилось, что не оказалось ветки для скворечника. Ветка была обязательным атрибутом. Она закреплялась сзади скворечника и нужна была для того, чтобы скворцы садились на неё и распевали свои мудрёные песни. Василиса вспомнила, что в дровнике лежит большая ветка. Она сохранилась ещё с осени, когда привозили дрова из леса. Василиса кинулась в дровник и принесла ветку.

– Васька, откуда она у тебя? – спросил Иван.

– У нас в дровнике лежала, – с важным видом выпалила Васюта.

– Вот молодец! Как вовремя ты появилась тут! – сказал соседский мальчишка.

У Василисы загорелись щёки. Она была на седьмом небе от счастья. Маленькая Васюта тоже приняла участие в важном деле.

– Васюта, отойди подальше, – сказал брат. – Сейчас жердь поднимать будем. Не ровен час – не удержим и зашибём.

– И вы, мелочь пузатая, тоже отлетели подальше, – шутили ребята, отгоняя малышей подальше от дома.

Вся малышня, а они со всей улицы были тут, отбежали на безопасное расстояние. Ребята стали поднимать жердь. Это была задача не из лёгких. Высота жерди составляла не менее пяти метров и к тому же была толстой. Некоторые мальчишки тянули верёвкой, другие поддерживали снизу железными и деревянными вилами. Наконец толстый конец жерди сполз в неглубокую ямку. Теперь нужно было закопать яму и утрамбовать землю. Для прочности ещё прибить жердь несколькими досками к углу бани. Иван, заткнув молоток за пояс и насыпав гвоздей в карман фуфайки, полез на баню. Ребята подали ему на верёвке доски. Он ловко приколотил их и спрыгнул с бани. Работа окончена.

– К кому сейчас идём? – спросил сосед Егор.

– К Лапшиным, – сказал Ваня. – Они три скворечника приготовили. К обеду, может, управимся.

Ребята ушли в другой конец деревни. Василиса осталась у своего дома. Она была неимоверно счастлива. Домик для её любимцев был готов. Теперь осталось только ждать. Ждать надо было птиц и ещё папу. Отец приехал только к вечеру. Васюта первой увидела отца и, закричав от радости, бросилась ему на шею.

– Здравствуй, моя красавица, – смеясь, сказал отец. – А где Иван? Хочу руку пожать ему за скворечник.

Взрослые очень серьёзно относились к таким делам и всячески поощряли ребят и часто помогали им в установке домиков для птиц.

– Ваня носит дрова для печи, – сообщила дочка.

Иван вошёл в избу с охапкой дров. Сложив дрова под печь, он протянул руку отцу. Отец твёрдо, по-мужски пожал сыну руку.

– Молодец! Хвалю. Ты у меня уже настоящий мужчина, – сказал отец.

Иван покраснел и пробормотал:

– Спасибо. Чего там…

Вскоре появился и второй скворечник у их дома. Теперь нужно было проверить скворечники в садах. Но это было гораздо труднее. Снег в садах ещё не сошёл, и добраться до скворечников было сложно. Но откладывать дело было нельзя. Дни становились всё теплее, и птицы могли прилететь в любой день. Но скворцов ещё не было. Василиса каждый день была в ожиданиях. Птицы появились как-то в один миг. Не было, не было – и вдруг звонкое пение раздалось по всей округе. Сегодня маленький праздник у Васи. Она внимательно наблюдала за долгожданными гостями. На пернатых вышли посмотреть мама, папа и вся ребятня. Улыбки не сходили с их лиц. Маленькая радость, маленький праздник, а впереди большой – Пасха! К Пасхе нужно убрать всё в доме. Перестирать, высушить вещи, вымыть избу, окна, навести порядок около дома – огромная работа. Но люди с радостью занимались делами.

Рисунок Курякиной Татьяны

Пригревало солнышко. Снег сошёл уже несколько дней. Кое-где сразу на пригорках и около дома зазеленела молодая травка. Куры высыпали на лужок побарахтаться в земле. Петух громко кукарекал и хлопал крыльями. Даже Шарик вёл себя по-другому. Заливисто лаял и крутился у ног своих домашних, когда они выходили из дома. В один из таких ясных дней мама позвала Василису с улицы:

– Дочка, иди в дом, – позвала мама.

Васюта вошла в дом и увидела, что мама разложила много разного ситца на кровати.

– Васюта, выбирай отрез себе на платье. Будем шить к Пасхе обновы, – мама провела рукой по материи.

Девочка растерялась. Но тут подошли старшие сёстры:

– Ты первая выбираешь, а потом мы будем, – сказали они.

– Что тебе нравится? – опять спросила мама.

– Мама, а ты себе платье шить будешь? – спросила Вася.

– Конечно, – ответила мама.

– Тогда сначала ты выбери себе отрез, – настаивала Вася.

– Спасибо тебе, Василиса. Я выбираю вот этот, – и мама выбрала материал с простеньким рисунком.

Теперь была очередь Васюты.

– Вот этот, – и Василиса указала на отрез с зелёными узорами. За ней выбрали материал и старшие сёстры.

– Мама, а когда ты будешь шить нам платья для Пасхи? – спросила старшая сестра Василисы. – Ведь до Пасхи осталось всего две недели. Ты успеешь?

– Справлюсь, если Бог благословит, – проговорила мама. – Вы мне поможете, и управимся к сроку.

Была такая традиция в этой семье: к Пасхе мама всегда шила девочкам новые платья. Мальчиков тоже наряжали. Им мама шила новые штаны–шаровары и рубашки. Без обновок никто не оставался. Это Великий праздник, и готовились к нему основательно. Оставшиеся дни Великого поста прошли в заботах. Эти дни были напряжёнными и плотными. Страстная неделя проходила в строгости и усиленных молитвах. В Великий четверг после вечернего богослужения мама покрасила яйца и поставила их в чашке перед образами. Запах от яиц разошёлся по всей избе. Он напомнил всем о скором окончании поста. Все почувствова-

ли приближение чудесного праздника – Торжества из Торжеств. Праздник нёс великую радость…

Рисунок Хлыстовой Марии

Пасхальная ночь всегда прекрасна. В семье готовились к Пасхальной службе. Девочки надели новые платья, повязали платочки. Уже стало традиционным собираться у бабы Агафьи в доме. Теперь в доме набиралось столько народу, что яблоку было негде упасть. Мама, сунув узелок с пасхой и яйцами в руки старшим дочкам, произнесла:

– Вы идите пораньше, а я приду, как станет совсем темно. Встаньте поближе к лавочке, там я и увижу вас.

Василисе выстоять всю службу было непросто. Она то присаживалась на лавочку, то приседала на корточки, то садилась прямо на пол у лавки, когда лавка была занята старенькими бабульками. Спать ей не хотелось, но дремота всё-таки одолевала. Вася ожидала крестного хода. Наконец народ зашевелился, и все двинулись к выходу. Крестный ход для Василисы был большой радостью. Сон проходил мгновенно. Это было те удивительные моменты, когда совсем рядом с тобой находится Господь. Он вдохновляет, воодушевляет, укрепляет, поддерживает и помогает в эти минуты. Во-

круг тебя светлые лица людей. Они необычайно красивы и милы. Это чудесная благодать, которая копится в сердце, и её хочется сохранить как можно дольше. Вася вглядывалась в весёлые лица людей, освещаемых свечами, и старалась догадаться, о чём они думают в эти минуты счастья. После праздничного Богослужения народ высыпал на улицу. Брезжил рассвет. Было очень легко на душе. Охватывала великая радость. У дома стояли парни с ружьями. Они начинали стрелять из ружей (колоколов-то не было), тем самым возвещая всему селу об окончании службы и о начале великого Праздника Пасхи.

Рисунок Скузоваткиной Дарьи

Светлое Христово Воскресение – самый чудесный, великолепный праздник, торжество. Праздник праздников и торжество из торжеств. Сердце каждого человека, пришедшего на Пасхальную службу, переполняется великой радостью, счастьем. Оно охватывает человеческую душу и уносит вместе с Пасхальным песнопением ввысь; туда, где царит покой. Каждый православный человек в Пасхальную ночь надеется на самое лучшее в своей жизни. Он и сам стремится стать добрее, порядочнее, честнее. В нём загорает-

ся маленькая искорка желания исправиться, подняться, если вдруг споткнулся в нелёгком жизненном пути. И пусть это будут не всегда исполнимые желания, но даже если они появляются в голове любого человека – это уже победа! Пусть маленькая, но победа. Как говорят, «если есть начало – будет и продолжение…» Это пока ещё неокрепший крошечный росточек, которому предстоит вырасти. Человек, душа которого в эту благодатную ночь стремится и чувствует потребность тянуться вверх, будет обновляться и совершенствоваться. «Восстань, душа моя! Что спиши? Конец приближается», – поют в храме во время Великого поста. Внезапно падает завеса с очей, и перед взором открывается другая картина. Картина невероятного чуда Божия – человеческая душа оживает и вступает в новую жизнь. В том, что она заблагоухает, а потом украсится цветами и плодами, уже нет сомнения. Это, скорее всего, будет трудный путь, но на всё воля Божия, потому как дела Божии – дела дивные, непостижимые, дела великие. Но сейчас с началом Пасхи трижды поются радостные и окрыляющие сердце песнопения:

Тропарь, глас 5:

– Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровав.

Рисунок Финюшиной Ксении

ИНЕССА ШЕВЦОВА,
руководитель театральной студии гимназии,
педагог-организатор
(мама Федора Драничникова)

Рисунок Финюшиной Александры

Почти грибная история

– Почему нам так не везет?! – шумело недавно выросшее на опушке семейство опят.

Ветерок от неожиданности перестал дуть и поинтересовался: «И почему?»

– Да потому что мы появились в самом отвратительном месте для жизни, какое только можно придумать!

– Разве? По-моему, здесь солнечно и красиво!

– Здесь солнце светит так отвратительно ярко, что наши шляпки совсем побелели. Это некрасиво, и к тому же, мы слишком быстро растем, а от этого наши ножки становятся тонкими и кривыми! А еще сюда могут прийти страшные толстые животные с тяжелыми ногами и отвратительными рогами. Они нас затопчут копытами или поддадут рогами! Или придут еще более отвратительные существа. У них две ноги, острые ножи и огромные корзины. Мы не сможем спрятаться – мы на виду! Ужасное место! То ли дело – в лесу, у пенечка. Там уютно и безопасно! Как повезло нашим братьям, которые родились в лесу!

Ветерок расстроился. Он всегда огорчался, если кому-то было плохо, а луговым опятам было явно нехорошо на полянке…

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Сделайте милость, слетайте в лес, расскажите нашим братьям, что МЫ здесь переживаем, когда ОНИ там живут себе припеваючи! Пусть хотя бы посочувствуют нам!

Ветерок полетел вглубь леса. Он сразу нашел рядом со старым пнем, заросшим зеленым мхом, семейство лесных опят.

– Здравствуйте! Ваши братья просили рассказать о том, как им тяжело приходится на лугу! Они …

Рисунок Финюшиной Александры

– Тяжело? НА лугу? Не говорите глупостей! Хуже, чем нам в лесу, не может быть никому! Сюда почти не попадает солнце и наши ножки толстые и короткие. К тому же нам тесно! Чтобы дотянуться до света, приходится просто затаптывать друг друга, а наши малыши не успевают вырасти! Видите, какой у нас сосед – старый пень? Он постоянно кряхтит, не давая нам покоя и вообще, в любую минуту может развалиться и нас придавить! А еще мы стоим далеко от опушки! Значит, до нас не доберутся грибники, мы останемся в лесу на зиму и замерзнем! Нет! Это не жизнь!

– Странно… А луговые опята считают вас счастливчиками…

– Глупости! Им стыдно смеяться над своим несчастными братьями!

Лесные опята сердито замолчали и отвернулись – все равно никто не может понять глубину их горя…

Ветерок совсем расстроился… Но потом вспомнил, что накануне видел в городе семейку шампиньонов под приподнявшимся асфальтом. Ветерок решил полететь туда – поболтать с новичками.

– Смотрите, как красиво! Здесь столько людей, машин, какие большие дома. Нам повезло, что мы родились в городе!

– Вам здесь нравится? – с сомнением спросил Ветерок, – разве вам может быть хорошо в городе? Вам пришлось много трудиться, чтобы пробиться сквозь толщу асфальта. Для нормальной жизни здесь совсем мало места. К тому же, вас могут растоптать хулиганы-мальчишки, или того хуже – превратить в мячик? И вы считаете, что вам повезло?

– Конечно! Пробиваться сквозь асфальт сложно, зато интересно. Представляете, сначала мы смогли только чуть-чуть отодвинуть большой корень, потом еще чуть-чуть и еще. А потом мы смогли обойти большой камень, нашли маленькую трещинку и сделали ее большой колыбелью! Было трудно, скажите вы?! Но зато, сколько радости, когда все получилось! Вы считаете, что для нас мало места? Зато мы всегда сможем быть рядом с нашими малышами – нам так хорошо вместе. Говорите, нами могут поиграть в футбол? Разве это так уж плохо, если мы сможем летать, как мячик! Не всем грибам выпадает такая радость! Впрочем, мы им всем желаем порадоваться чему-то своему…

Огонек

«Я все равно это увижу! Все равно!» – упрямился на весь двор Огонек. Цветок календулы или попросту ноготок, росший у подъезда пятиэтажки, все во дворе звали огоньком. Он был похож на пламя не только своим ярко-рыжим цветом, но и характером, и весьма боевым нравом. Он не давал в обиду слабые травинки, защищая их от бездомных котов. Огонек храбро крутил своей яркой головкой, отпугивая наглые кошачьи мордочки. Он любил подставлять лепестки ветру и дождю. Ноготок нисколько не боялся сильного ливня, с удовольствием брызгая во все стороны дождевыми каплями. Словом, жизнью своею Огонек был вполне доволен, пока…

Пока не услышал, как дети во дворе вспоминали о зиме. Перебивая друг друга, они рассказывали, каким красивым и пушистым бывает снег, как он искрится на солнце. Как здорово – играть в сугробах. А еще говорили, что льдинки так же прозрачны, как стекло, но только гораздо красивее. Огонек решил, что он должен все это увидеть сам. Своими глазами. Непременно!

Рисунок Степочкиной Анны

Время шло. Наступила осень. Травы и цветы, кусты и деревья стали готовиться к приходу зимы. Листья пожелтели, а кое-кто из деревьев смог похвастаться и красно-оранжевой листвой. Только Огонек, упрямо решивший увидеть зиму, не менял свой летний наряд. Он так и стоял зеленый-зеленый посреди осеннего двора. «Я все равно увижу зиму! Я все равно увижу снег! И лед!» Все вокруг посмеивались над смельчаком – никогда такого не было, чтобы цветок дождался прихода зимы. Пройдет еще несколько дней и лепестки завянут, а стебель высохнет – такова судьба растения. Никто еще не смог остановить время…

Но Огонька не смогли сломить даже сильные порывы ветра. Он только ниже наклонил головку и сомкнул лепестки. И холодный осенний ливень не смог помешать цветку оставаться по-летнему свежим. Потянуло холодом. Все вокруг было высохшее, блеклое, мрачное. Только Огонек светился ярко-рыжим цветом, и все так же зелены были его листья. С неба полетели первые снежинки. Это было так красиво и необычно, что Огонек еще больше засветился от счастья. Он дождался! Он видит зиму! Белые пушистые путешественницы оказались очень холодными. Огонек вздрогнул, когда снежинки коснулись его лепестков, но это не помешало ему радоваться приходу зимы. Все во дворе удивлялись, глядя на такое чудо – земля покрывается снегом, а маленький ноготок цветет, как летом?! Бездомные коты с уважением поглядывали на смельчака, а родители наказали детям: ни в коем случае не срывать чудо-цветок.

Зима вступала в свои права, уже вся земля покрылась снегом, на лужах заблестел лед. А Огонек продолжал радовать всех своим жизнерадостно-апельсиновым цветом. Он во все глаза смотрел на то, что происходило вокруг – на сугробы, в которых с удовольствием барахтались ребята. На снегопады и мерцающий в свете фонаря снег. И хотя становилось все холоднее и холоднее, его согревала мысль, что он смог, он увидел то, что не видели и не могли видеть другие цветы. Он увидел зиму! Огонек мужественно терпел холод и ветер, мороз и снегопад. Внизу проходили трубы, по которым бежала в дом горячая вода, и корням было тепло. Это помогало цветку выстоять. И зима в это раз не принесла больших морозов и оказалась не слишком снежной. Словно, сама природа решила поддержать смельчака.

Наступила оттепель. Огонек повеселел – он решил, что скоро придет весна! Он уже немного устал от холода. А тут стал оседать и темнеть снег, закапали мелким дождиком сосульки. Цветок даже подставил головку воде, льющейся с крыши. Да, она была холодной. Но зато она была талой, весенней! И это внушало надежду!

Ночью неожиданно ударил мороз… Таков уж нрав зимы – не легко она сдает свои позиции. На следующее утро все увидели необыкновенное зрелище. Огонек весь был покрыт тонким, прозрачным льдом. И при этом он нисколько не потерял свою огненно-рыжую краску! Так и стоял цветок до весны – маленький посланец лета, закованный в ледяную броню. А у прохожих поднималось настроение – даже в самые лютые морозы Огонек светил им маячком надежды. Напоминал, что зима не вечна, что придет лето, и вокруг расцветут новые Огоньки. Что в мире всегда есть место краскам и радости. И что всегда надо верить в то, что «я смогу»!

АЛЕКСАНДРА БРАЖНИКОВА,
мама Анны и Надежды Игнатьевых

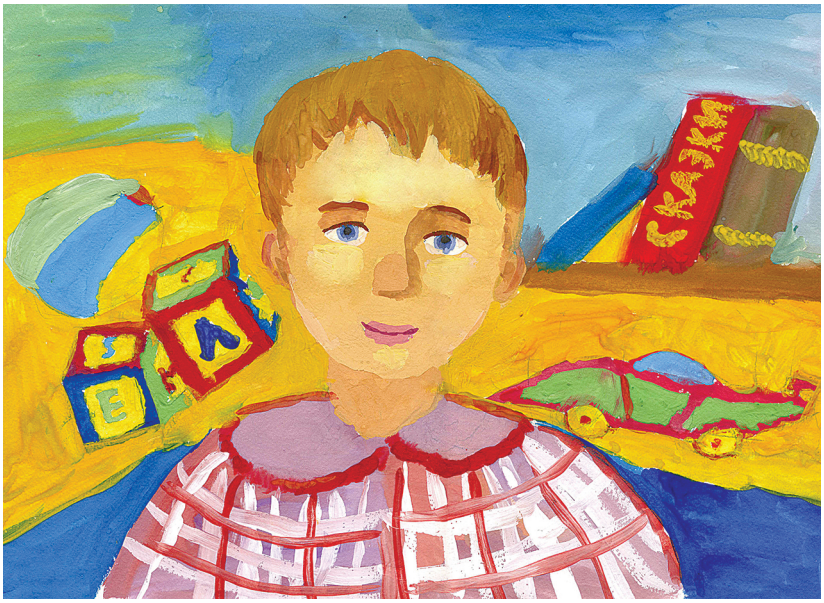


Рисунок Вяткина Павла

Ещё раз о витаминах...

Встреча походила на маленькое извержение вулкана. Или на водопад. Хотя нет – скорее на гейзер. Слишком уж горячими и пылкими были радостные чувства от долгожданной встречи.

В тесноватом даже для небольшой компании коридорчике возникли толкотня и суматоха. Эта плотная скученность помножалась на общую соскученность – и эмоциональный накал достигал предельного градуса.

Энергия бурно выплёскивалась в размашистые объятия направо и налево. От полноты чувств мужские рукопожатия, пожалуй, были чуть крепче, чем следовало. Обоюдные вопросы сыпались как из рога изобилия. Ответы же на них терялись и тонули среди вновь и вновь возникавших нетерпеливых вопросов. А накопилось их немало, обычное дело после долгой разлуки. К тому же, сотовых телефонов тогда ещё не было.

Делегация гостей состояла из моей подруги (к родителям которой мы, собственно, и прибыли), её молодого, буквально, новоиспеченного мужа со стажем 1–2 дня; а также их друга, однокашника, и меня с пятилетним сыном.

Едва переступив порог, вся компания очутилась в потоке самого искреннего и сердечного гостеприимства, щедрым источником которого являлась невысокая, чрезвычайно миловидная женщина средних лет – мама моей подруги, добрейшая тётя Галя. Дружелюбием и радушием лучился и дядя Коля – её муж.

Хозяйка дома обладала редким обаянием, приветливое лицо светилось красивой белозубой улыбкой, глаза искрились по-молодому ярко и задорно.

В своеобразных интонациях её речи безошибочно угадывались особые «сибирские» нотки: слова сыпались ровной, лёгкой скороговорочкой – ладненькой и ритмичной, так радующей слух.

Этот сибирский говор, где каждое словечко выпукло и отчётливо, всегда ассоциировался в моём воображении с отборными, спелыми кедровыми орешками – крепенькими, округлыми и симпатичными. Он казался естественным продолжением и отражением самой сути сибирской натуры, щедрой, сильной и цельной.

По рассказам подруги, я знала, что тётя Галя была родом из Сибири; выйдя замуж, перебралась в Кострому и жила на Волге уже давно. Оттого-то сибирская манера говорить (у коренных жителей весьма деловитая и напористая) в интерпретации тёти Гали звучала куда напевнее: умягчилась и напиталась волжской протяжной интонацией. От этого переплетения, взаимопроникновения и возник единственный в своём роде, славный такой и интересный сибирско-костромской диалект – всегда узнаваемый, полный неповторимого очарования.

Постепенно радостная и волнительная суета и шумиха успокоились…

Мы поняли, что жутко проголодались. Немало тому способствовал и вид празднично накрытого стола, к которому всех пригласили. От салатиков, закусок, рубиново-красного ягодного морса в стеклянном кувшине невидимо, но ощутимо распространялись флюиды заботы и любви, с которыми приготовлена была вся эта вкуснятина. А из кухни заманчиво доносился волнующий

и многообещающий аромат чего-то там еще, вызывая неприлично-бурное слюноотделение.

Понятное дело, никого уговаривать не пришлось – за столом все разместились на удивление резво. И не мешкая, взбодрённые разыгравшимся не на шутку аппетитом, принялись весело раскладывать по тарелкам домашние разносолы. С первой же отправленной в рот ложки наши предположения о незаурядных кулинарных талантах хозяйки подтвердились. От души нахваливая творчество тёти Гали, все уписывали за обе щеки. Вернее, почти все.

За исключением моего пятилетнего сына.

Сосредоточенно посапывая, он заинтересованно вглядывался в содержимое своей тарелки. Надо сказать, как большинство настоящих мужчин, к еде он никогда не относился равнодушно. Подняв ясны очи на хозяйку, Саша неторопливо и очень вежливо осведомился: «Скажите, пожалуйста, а здесь есть витамин «А»? И, развернув ладошку кверху, вытянутыми пальчиками указал на блюдо.

Возникло секундное замешательство, добрая тётя Галя бросила на меня красноречивый взгляд, полный восхищения (какой умненький мальчик!), и жизнерадостно подтвердила наличие витамина «А».

Все даже как-то уважительно-одобрительно притихли (к счастью, ненадолго) оценив незаурядную продвинутость современных малышей. И тут же продолжили трапезу; негромко переговариваясь, обменивались последними новостями – в общем, отдыхали душой.

Ребёнок удовлетворённо-благодарно кивнул и, подперев пальцами упрямый лоб, вновь подал голос: «А скажите, пожалуйста, витамин «У» здесь тоже есть?»

Тётя Галя хлопотала над гостями, будто каждый из присутствующих был её единственным ненаглядным чадом, жутко изголодавшимся, а может даже, погибающим от истощения. Но вопрос не застал её врасплох.

«Есть, есть, Сашенька! Кушай на доброе здоровье!» – понимающе успокоила она мальчугана.

Мы встретились взглядами: её, по-видимому, забавляло и умиляло Сашино поведение. Я в ответ вымученно улыбнулась. Меня

– не забавляло. И аппетит отшибло напрочь (это при таком-то столе!).

До боли знакомый сакраментальный вопрос: «Скажите, пожалуйста, и т.д.?» лишил меня душевного покоя. Дурные предчувствия беспокойно завибрировали, словно тревожный гул осиного роя, эхом отдаваясь в недрах пустого желудка.

В отличие от тёти Гали, мне хорошо было известно, что дальнейшее развитие ситуации, скорее всего, предполагает 2 возможных «сценария».

Дело в том, что недавно какая-то добрая душа основательно просветила маленького почемучку на предмет витаминов: как хорошо, чтоб их было много в нашем рационе и как бесконечно важны они для жизни и здоровья человека. Сына полученная информация так глубоко проняла, что впредь частенько, собираясь поесть, он соблюдал собственный ритуал, состоящий из череды однообразных вопросов о содержании витаминов в продуктах.

Домашняя пища была изучена практически вдоль и поперёк. Оттого имела высокие гарантии доверия. Путь исследования в родимых пенатах обычно укладывался в 2–3 вопроса, и такое течение событий, назову его условно вариант № 1, было бы вполне приемлемо, даже очень желательно и в данный момент.

Однако, незадолго до описываемого путешествия в Кострому, произошёл случай, оставивший в материнской памяти столь глубокий и неизгладимый след, что и по сей день без труда могу пересказать его в деталях. Увековечилось то знаменательное происшествие как вариант № 2.

* * *

В тот вечер гостей принимали мы; и угощали, конечно. Наш юный исследователь, чистенький и довольный, тоже получил причитающуюся ему порцию. Устроился поудобнее на стуле, положил по обе стороны от тарелки кулачки, внимательно осмотрел содержимое блюда и вежливо (знакомо, да?), даже очень вежливо, спросил: «Мам, скажи, пожалуйста, а витамин «А» здесь есть?» И выжидательно уставился на меня своими глазёнками.

«Ну, конечно! Не сомневайся даже!» – беспечно отвечала я, накладывая салатик кому-то из гостей. Они, в свою очередь, выразительно переглянулись, благодушно улыбнувшись. Никто не был против любознательных детей.

Требовательный голосок не заставил себя долго ждать: «А витамин «Ф»? Ответила не задумываясь: «По-моему, есть».

«Кому хлеба?» – приподняла я поднос над столом.

«А витамин «З» тоже есть? Да?» – поинтересовался сын, весело болтая коротенькими, не достающими до пола ногами.

«О-бя-за-а-тель-но-о…» – нараспев подтвердила я.

«Курочку с пюрешкой?– положила я горячее мальчугану.

«Спасибо, спасибо, – мимоходом поблагодарил сын, и выпалил на одном дыхании, – а витамин «Л» тоже?»

«Конечно! Теперь кушай, пожалуйста!» – завершила я традиционный ритуал. «Приятного аппетита!» – добавила совершенно «окончательным» тоном. На мой взгляд, вопрос был исчерпан. Вполне.

«Спасибо! Мам, а «К» тоже есть?» – у ребёнка, как видно, было другое мнение.

«Ну…есть…» – откусывая кусочек хлеба, удивилась я немного.

Тут же раздалось нетерпеливое: «А «Щ», мам?»

«Да…Слушай, ты бы ел уже, а?» – с лёгкой укоризной посоветовала я.

«А «У»?» – словно пропустив мимо ушей последнее пожелание, выстрелил неугомонный мальчишка.

Пока я пыталась ответить, он, не дав договорить, выпалил очередное: «Вот, мам, забыл ещё! Витамин «Х» есть?» Глаза сияли восторгом.

Я кивнула уже без эмоций, приходя в некоторое замешательство.

«А «Ц», мам, «Ц» – то есть?» – как будто вспомнив некий особенно важный витамин, радостно встрепенулся юный неутомимый учёный. Сморщил от нетерпения веснушчатый нос и замер в ожидании.

«Есть, куда он денется, твой витамин «Ц»! – пробурчала я озабоченно, поглядывая на гостей извиняющимся взглядом. Нос удовлетворённо «разморщился».

Я начинала расстраиваться. С кислой миной вяло поковыривала в таком вкусном, ещё минуту назад, салате.

«Мам, да мама же! – призвал меня неуёмный ребёнок, – а как же «О»? – лукаво воззрился он и сложил из пальчиков колечко для большей наглядности.

«И «О», конечно, тоже есть». Я передвинула стул поближе к ребёнку. И тарелку прихватила с собой. На всякий случай.

«Та-ак…». Он деловито постучал пальчиками по столу. По-взрослому нахмурившись, задумался, забавно подперев кулачками щёчки.

Я, пользуясь моментом, отпила глоточек сока.

«Ещё скажи, пожалуйста, мам, – он тихонько потеребил меня за рукав, – а «Ж» есть?»

Я грустно посмотрела на озарённую искренней жаждой познания родную мордашку и обречённо покивала. Что-то здесь было не так.

На выручку пришёл ближайший сосед по столу.

«Принимайся-ка за обед, приятель, а то всё остынет», – благоразумно поторопил он Сашу и вдохновенно понюхал дымящуюся ещё тарелку сына.

«А?! – восторженно воскликнул он. «Вкус-но-ти-ща!!! Та-а-ак…» – протянул многообещающе, словно предвкушая нечто очень приятное. Заговорщически подмигнул, энергично потёр ладонь о ладонь, словно желая добыть электричество, смачно крякнул и, засучив рукава, лихо вооружился столовыми приборами. Застыв в секундной готовности, словно бегун на старте, послал в сторону сына неотразимую голливудскую улыбку:

«Ну?!» И выжидательно замер.

«Хорошо», – миролюбиво кивнул мальчик, тоже взял вилку и указал ею на тарелку:

«Только скажите, пожалуйста, а витамин «Ч» здесь есть?» Теперь вопрос был обращён соседу.

«А как же!!» – возопил тот так рьяно, словно всю жизнь только и ждал этого, столь любезного его сердцу, вопроса.

«Не-пре-мен-но!!!» – заявил он безапелляционно. Для пущей убедительности авторитетно похлопал Сашу по плечу и решительно нацелился на «Оливье».

«Держи, держи-ка вилку крепче, герой, и – вперёд! Налетай!» – скомандовал он бодро.

Устоять перед его сокрушительным обаянием и натиском было сложно.

Однако целеустремлённый исследователь не сдавался.

«А витамин «Н» есть?» – уточнил он и положил вилку на стол.

«Угу», – трудолюбиво жуя, пробасил дяденька. Проглотив первую порцию, он возобновил атаку. «Вооружайся, боец!» – он почти торжественно опять вручил нашему юнцу вилку. « И давай, давай, парень, смелей! Не теряй времени даром – наворачивай!»

И продемонстрировал на личном примере, как это надлежит сделать.

Он аппетитно хрустел салатом, призывно поглядывая на моего мальчика, и одобрительно мычал. Свободной рукой при этом выразительно жестикулировал, то поднимая большой палец вверх, в знак восхищения, то помахивал ладонью, приглашая мальчишку разделить компанию. Жующая, раскрасневшаяся физиономия недвусмысленно изображала то предельное наслаждение, которое испытывал гость, поглощая воистину сказочное яство.

Он по-актёрски закатывал глаза вверх, причмокивал, покачивая из стороны в сторону головой, точно купец на восточном базаре. Не хватало только, чтоб он, поцеловав кончики собранных в щепотку пальцев, добавил, приторно улыбаясь: «Вай – вай – вай!!!»

Пожалуй, это было даже талантливо!

Остальные гости живо заинтересовались маленьким, но весьма впечатляющим экспромтом и вернулись к своим тарелкам с ещё большим воодушевлением.

Ребёнку, несомненно, этот «рекламный ход» показался весьма занимательным. Он даже перестал болтать ногами и глаз не сводил с необычного дяди, явно в надежде на продолжение спектакля.

«Ну?!» – сосед вопросительно поднял брови и обескураженно изучал мальчишку, словно видел в первый раз.

Ребёнок преданно смотрел ему в глаза и в рот, но сам кушать пока не собирался. Однозначно.

«Чего сидишь? Есть-то будешь?» – недоумённо и разочарованно пожал плечами сосед, сокрушённо присвистнул и занялся вплотную своим обедом. Он сделал всё, что мог.

«Мам!» – голосок звонко пробился сквозь мерный стук вилок и ложек о тарелки и монотонно-приглушённый фон застольной беседы. Я чуть вздрогнула. «Ну, а витамин «И» тут разве есть?»

«Есть, сынок, есть, – ответила я как можно спокойнее. Без малейшего промедления прозвучало ожидаемое: «А «Ы»? – он крепко сжимал тарелку обеими ручонками за края и сосредото-

ченно-рентгеновски пронизывал, казалось, самою суть салата и пюре. В услугах микроскопа малолетний исследователь определённо не нуждался.

«Есть, дорогой. Здесь есть ВСЕ витамины. Понимаешь? ВСЕ!» – мягко, но внушительно добавила я, проникновенно глядя в вопрошающие очи.

«А витамин «Ш»? – на всякий случай всё же проверил мальчик.

Над столом прошелестел лёгкий, чуть нервный (или мне показалось?) смешок.

* * *

Пожалуй, сейчас, спустя почти 20 лет, я пережила бы подобную ситуацию проще, легче и веселее. Тогда же, мне, признаться, было очень неловко за происходящее.

С сыном мы по большей части хорошо ладили. Славный, интересный, добрый мальчик он, в меру своего понимания, заботился обо мне, оберегал и защищал. Было, разве что, одно НО.

Положа руку на сердце, должна признать, некоторое упрямство всегда отличало характер моего ребёнка. Случались, конечно, и периоды затишья. Но порой оно, это самое упрямство, приобретало, прямо скажем, гипертрофированные формы.

И в такие моменты нередко приходил мне на память тот самый, печально прославившийся исторический деятель, который при любом, удобном и неудобном, случае твердил своё: « А Карфаген должен быть разрушен!». Признаться, я даже с интересом перечитала про Пунические войны вообще. А в частности, с особым пристрастием заглянула в глаза автору сего крылатого изречения – уважаемому, но невероятно упёртому римскому сенатору Катону. И немало рассуждала о выдающихся сложностях его своеобразного характера.

Сочувствовала я тогда и ему, и тем, кто жил с ним рядом и поневоле общался. И за Карфаген становилось обидно: наверное, могучий и красивый был город. Пока всё-таки не разрушили.

Но больше всего я жалела бедную маму этого достойного римлянина. Сама не знаю почему…

Не буду скрывать, и моего сынишку изредка (как бы это полегче выразиться) заклинивало мощно на какой-нибудь идее. И выбраться нам не всегда удавалось легко, просто и без потерь. Мало проку было и от драконовских мер, к которым мне советовали

иногда прибегнуть некоторые особенно «умные и добрые» люди. Но об этом в другой раз.

* * *

«Послушай, это ведь не всем интересно. Гости хотят поговорить, ты мешаешь. Не мог бы ты вести себя потише?» – обратилась я уже строго.

Сын потёр ладошкой лоб и улыбнулся, он вовсе не хотел меня огорчать: «Хорошо. Я буду очень тихо спрашивать. У тебя». Такой компромисс вполне устраивал парня, тем более генеральная линия изысканий ничуть не нарушалась.

Ближайшие соседи по столу оптимистично улыбнулись мне. Я же, уткнувшись в недоеденное пюре, уже подтверждала присутствие витамина «Я»; тихо, шёпотом.

Скандалить, устраивать шумные воспитательные процессы не хотелось.

ТЕРПЕНИЕ! Вот что предстояло выращивать и преумножать.

«А «Э» есть?».

«Да, да, есть, – раздражённо прошептала я, краснея. (Да когда же это кончится!)

Уши мои горели, я вся взмокла, слёзы наворачивались на глаза.

В последующие минуты, мне они показались вечностью, беспощадный ребёнок с неистребимым упорством и досадной скрупулезностью перебрал, наверное, ещё с десяток букв.

Слабое утешение, но мне стало казаться, что к этому, периодически изрекаемому вопросу, уже просто привыкли, как к дурной неизбежности или капающей воде из сломанного крана, или громко тикающим на стене ходикам.

Моя нервная система испытывала космические перегрузки.

Между тем, кое-кто уже дозрел до чая, и я, отчитавшись напоследок про витамин «Ю», отправилась на кухню за кипятком и заваркой.

На вахту великодушно заступила тётя Наташа, обычно они хорошо ладили с Сашей. Разливая чай по чашкам, искоса наблюдала за этой парочкой в углу стола. Оба выглядели возбуждёнными и довольными. Многозначительно улыбаясь, подруга делала мне какие-то секретные знаки рукой, обозначавшие, по-видимому, что всё в порядке. Вернувшись на «рабочее» место, я без труда прочитала в расширившихся от восторга глазах сына,

насколько возрос авторитет тёти Наташи: она просто потрясла парнишку уникальными познаниями из области витаминов до глубины души.

А тётя Наташа, не сводя гипнотического взгляда со своего подопечного, медленно и внятно доложила, что «они обо всём договорились, и Саша теперь уже будет кушать».

И принялась пить чай с чувством блестяще выполненного дружеского долга. Воистину, не имей сто рублей…

Я тоже налила себе чаю. Он показался мне ароматным как никогда.

С обожанием посмотрев на несравненную тётю Наташу, наш мальчик нежно погладил её по руке и осторожным шёпотом деликатно объяснил ей: «Я только у мамы уточню». И вернулся к своим баранам. «Я всё же не понял – а «Б» есть?» – и это без малейших угрызений совести.

Тётя Наташа не облилась и не подавилась горячим чаем, и не поперхнулась вкусным домашним печеньем. (И на том спасибо!) Всё это сделала я. Сквозь кашель, просверлила глазами своего отпрыска: «Е-есть».

А что оставалось делать? Заниматься репрессиями у всех на виду? Бросать гостей и уходить на кухню? Но всё время казалось, что вот теперь-то уж всё, и может именно этот вопрос и станет последним!

Если бы существовал измерительный прибор, фиксирующий нервное напряжение мам в подобных ситуациях, не сомневаюсь – сейчас он бы зашкаливал.

Неожиданно буквы закончились. Благословенная минута настала. Я осторожно выдохнула с облегчением.

Сын раздумчиво примолк, похоже не собираясь останавливаться на достигнутом. Тёмно-карие глаза с длиннющими чёрными ресницами серьёзно поглядывали в тарелку: не упустил ли он чего из виду?

Внезапно просияв, всё с той же неизменной вежливостью, он громогласно изрёк, раскатисто картавя: «А микр-р-роэлементы тоже есть?»

Долю секунды держалась наэлектризованная тишина.

«Есть!!!» – дружным залпом выдохнул весь стол. Смеялись, конечно, от души, по-доброму…

И опять же все, кроме сына. Впечатление было такое, что это общее веселье не имело к нему ровным счётом никакого отношения. Казалось, он не ощущал… Нет! Не казалось! Он и вправду совершенно не замечал курьёзности и несуразности произошедшего.

Я смотрела на умиротворённое и благостное выражение лица мальчугана.

И до меня доходило, что в течение этого тягостного «опроса с пристрастием», все эти мучительные для меня минуты человек не издевался, не упрямился, никого не доводил и не делал назло. Он всего лишь пытался выяснить нечто, действительно чрезвычайно важное для себя. Это была истинная правда.

Он – выяснил, удовлетворённо-облегчённо вздохнул, взял вилку и принялся за обед. С едва заметной тихой улыбкой, не торопясь, сын с истинным удовольствием поглощал абсолютно холодное пюре и салат. Было заметно, сколь глубоко он погружён в свои мысли и поглощён процессом. Наверное, прислушивался, как усваиваются все эти премногочисленные витамины. Ну, и микроэлементы, конечно. Куда ж без них, родимых!

* * *

Вот такой он и был – достопамятный вариант №2. И, конечно, я здорово испугалась, представив, что (не дай Бог!) придётся заново пережить нечто подобное теперь уже здесь, в Костроме. Ну, не готова была! Тут же сами собой полезли мысли о том, не обернётся ли начатое костромское исследование каким-нибудь неприятным сюрпризом. Куда поведёт нашего молодого человека на этот раз? Сие было мне неведомо… И сидела я вся поледеневшая и напряжённая – ждала продолжения.

Между тем к столу подали то самое «что-то», которое интриговало нас сногсшибательными ароматами уже с первой минуты прибытия в этот гостеприимный дом. Позы – особенное такое сибирское кушанье, рукотворное, кулинарное чудо: готовятся из мясного фарша и теста, похожи на крупные пельмени. Очутившись на столе, они полностью завладели общим вниманием, на вид оказавшись столь же привлекательными, как и «на нюх», если можно так выразиться.

Судя по быстро убывающим порциям, были они также потрясающи и на вкус.

Правда, мне пока не елось – я по-прежнему ждала продолжения, боковым зрением наблюдая за ребёнком.

Он же, чуть вытянув шею, с любопытством принюхивался к новому для себя, аппетитному, дразнящему запаху, столь манящему и привлекательному. Медленно обвёл глазами гостей. А те, забыв на время и беседу, и всё прочее, упоённо отдавали дань кулинарному гению тёти Гали. С огро-о-омным удовольствием! Всем было очень, очень вкусно!

Голод, как известно, не тётка. (А с дороги мой мальчик прилично проголодался). Думаю, отчасти ещё и поэтому, сын на этот раз изменил привычному ритуалу. Собрав остатки воли в кулак, он судорожно сглотнул и, не отводя жадных глаз от тарелки с дымящимися позами, быстренько и невнятно уточнился напоследок про микроэлементы.

Ответа он уже не дожидался и за обе щеки принялся уплетать, видимо, просто-таки нашпигованные отборными витаминами и разнокалиберными микроэлементами позы. Демонстрируя отменный аппетит, парень стремительно опустошил блюдо под умилённым взором тёти Гали. Её заботливой рукой тут же была организована добавка, съеденная чуть медленнее, но с прежним вдохновением.

«Вкусно?» – чуть склонив голову набок, с улыбкой смотрела тётя Галя на сияющую, довольную мордашку.

«О-о-чень! Спасибо!» – сын ответил солнечной, благодарной улыбкой.

И только после этого я расслабилась. Медленно и с облегчением разжала скукожившиеся, было, в кулак пальцы на ногах. И особенно ярко и глубоко почувствовала, что жизнь – хороша…

И спокойно взялась за позы. Правда, было вкусно-превкусно!

Тётя Галя гладила по головке сытенького Сашу и приговаривала: «Какой умненький мальчик!» (Вот что значит вовремя остановиться!).

Справедливости ради, добавлю, что незабываемый вариант №2 так и остался «эксклюзивом»; к счастью, больше никогда не повторялся.

Летом...

«В одном переулке стояли дома.
В одном из домов жил упрямый Фома.
Ни дома, ни в школе, нигде, никому –
Не верил упрямый Фома ничему».

«Фома» С. Михалков

Летом, как всегда, мы жили в деревне, в нашем славном, любимом домике на высоком, самом красивом на свете, берегу Волги.

Цвёл июнь. До палящего, изнурительно-иссушающего июльского зноя было ещё далеко. Солнце на безупречно чистом, голубом небосводе расточало тепло, свет и ту особенную радостную силу, весёлую и лучистую, которой наполнялась вся природа, приветствуя и впитывая щедрую благодать светила.

Так, наверное, хорошо было бы сейчас сидеть на высоком берегу, на брёвнышке, любуясь огромным небом и кадницкой церковкой меж холмов противоположного берега; никуда не спешить, прогреваясь и насквозь пропитываясь солнечным добрым теплом.

Рисунок Семенко Анастасии

Вот только ветер. Сегодня он просто бесчинствовал. Словно шкодливый мальчишка трепал и вздёргивал косицы берёз. Бесшабашно раскачивал, словно испытывая на прочность, стволы старых деревьев так, что те кряхтели, скрипели и постанывали.

На время затихнув, с новой силой с размаха вздыбливал шевелюры кустистых ив, изгибая до предела их податливые стволы.

Пожалуй, уютные посиделки на волжском бережке, на тёплом брёвнышке стоило отложить до лучших времён.

Однако из всякого правила есть исключения. Примером тому – не только легендарный персонаж Фома из бессмертного стихотворения С. Михалкова.

Именно на этот солнечный и ветреный день наш Саша запланировал рыбалку. И такая мелочь, как неподходящая погода, ни в коем случае не могла помешать ему осуществить задуманное. А посему в этот день, когда все предпочли сидеть дома, наш юный рыбак снаряжался на берег. Во всём геройском облике без труда читалось, что сегодня не только Волга, но и море ему по колено. Справедливо замечено, что такое счастливое состояние души нередко посещает молодых людей 15 лет.

Сделав 2–3 попытки (заранее обречённых на провал) убедить сына перенести это важное мероприятие на другое время, я умолкла. Доводы мои были, с его точки зрения, просто смехотворны!

«Труба звала…»

И уже через пару минут полностью экипированный сын отправился на берег уверенной походкой бывалого рыбака. Вольному – воля… Что тут поделаешь?

Все принялись за свои дела.

Прошло некоторое время, достаточное вполне, чтобы дойти до берега, и, побыв там совсем недолго, вернуться обратно. Потому, заслышав какую-то возню за дверью, я наивно решила, что Саша внял гласу благоразумия и таки вернулся домой, нарыбачившись.

Это и вправду был он. Только возвращение «блудного сына» было несколько странноватым. Бочком, в какой-то неловкой, неестественной позе он возник в приоткрытом дверном проёме. На лице застыла «специальная», напряжённая улыбка (из серии «чтобы мама не волновалась»). Вид его – загадочно-

обескураженный – обещал какую-то новость. Как говорится, «к гадалке ходить не надо», и так было ясно, что известие будет неприятным.

Рисунок Финюшиной Александры

– Мам! – Голос звучал деланно-беззаботно.

– Ты только не волнуйся…(мнётся)

– Ну, вобщем ветер там… (пауза)

– А я с этим (кивает куда-то в сторону), с этим… с крючком… Как-то не заметил…

– Говори уже, не томи!!! – взмолилась я.

– Ну, вобщем… Вот.

Нашему вниманию была предъявлена нога. Сзади, внизу, в икроножной мышце крепенько, по самую маковку, застрял рыболовный крючок. Сидел хорошо, «на совесть», «без дураков» (не считая нашего Сашки).

Крючок был добротный, качественный, на крупную рыбу: наш горе-рыбак не мелочился. Улов, однако, превзошёл все ожидания.

Зрелище было так себе. Крючок, конечно, предмет небольшой. Всё-таки не топор и не копьё, Слава Богу! Тем не менее – нервировал.

Без проблем нам удалось, пожалуй, только отрезать леску от крючка и «разлучить» Сашу с удочкой, в которую он, видно на нервной почве, вцепился мёртвой хваткой. Дальнейшие многообразные попытки добыть предмет из ноги успехом не увенчались.

Дело в том, что крючок этот ничем не отличался от стандартных своих собратьев. Как и положено, он был оснащён небольшой, остро наточенной зазубринкой, «смотрящей» в сторону, противоположную основному направлению крючка. Когда рыба уловлена, все её попытки освободиться приводят к прямо противоположному результату: благодаря этой самой зазубринке, крючок ещё прочнее укореняется в теле жертвы.

Между тем, наши изощрённые действия по добыче известного предмета из родной ноги ничем хорошим не увенчались. Назрел своего рода ступор…

Приободрённый моей молчаливой реакцией, Саша стал жизнерадостно предлагать радикальные и быстрые способы (один чудовищнее другого) избавления ноги от чужеродного тела:

– Давай дёрнем посильнее – и...

Мой выразительный взгляд.

– А может быстренько лезвием?

– Ты с ума сошёл! Недавно анатомию сдавал, тут сейчас море крови будет! Молчи, Бога ради! Собирайся в поликлинику, балда упрямая!

Путь предстоял неблизкий. Но наш старенький «Москвичонок» не подвёл и на этот раз.

Итак, мы ехали к хирургу. Как правило, деревенские врачи, в силу особенностей своего положения, обладают исключительно многообразным, порой уникальным опытом. Имею в виду проработавших немало лет. И мы в этом скоро убедились.

Хирургов было двое. Первый – молодой и серьёзный – увидев сколь «глубоко зашло дело», заявил: «Даже не прикоснусь, отправляйтесь в райцентр».

Пока я «прокисала» в приёмном покое, лихорадочно соображая, куда пристроить младший состав двух, четырёх, шести и восьми лет на время этого безрадостного путешествия, на наше счастье появилась пожилая, видавшая виды хирургия.

По-военному оперативно оценив ситуацию, лаконично приказала: «Пассатижи несите!»

Остроумное и единственно верное решение восхищало своей простотой и гениальностью.

Стремительно совершив необходимую дезинфекцию, аккуратно и быстро врач повернула крючок так, чтобы острие, сидевшее внутри, проклюнулось наружу. Чуть подтянула, добыв на белый свет ту самую злосчастную зазубринку и моментально решительно «откусила» её пассатижами.

Нетрудно догадаться, что после этого остатки крючка безболезненно были извлечены из крошечной ранки, от души затем политой перекисью. Безо всяких кровопролитий и операций, без поездок в райцентр и прочих осложнений.

Ура! Благодарим!

Не слишком пострадавши, мы оправились домой успокаиваться, по дороге искренне недоумевая, как же это мы сами до такой простоты не додумались. Вскоре в нас даже пробудился аппетит. Дома я тут же принялась за приготовление обеда, напевая-мурлыкая что-то.

Минут через 5 до моего слуха донеслось отдалённое: «Ма-ам! Я на рыба-алку!» Это – уже почти за воротами. Очень предусмотрительно с его стороны, дабы не слушать отговорок, упрёков, предостережений. Ведь он «сам всё знает, понимает. И не надо, пожалуйста, ему как маленькому…» Как обычно! Слов нет! Попёрся. Опять туда. С удочкой. А на удочке – крючок. И опять же ветер…

Вот ведь чудо природы! Но не бежать же за этим упёртым парнем, бросив на плите обед. Да и смысла нет – всё равно не остановишь.

Обед доходил до нужной кондиции, распространяя неудержимо влекущие к столу запахи. Тихонько переговариваясь, мыли руки в предвкушении трапезы, когда в коридоре раздались знакомые шуршание и возня.

Ну, вот и Саша, как раз к обеду. Утреннее происшествие вспоминалось с облегчением и улыбкой.

– Сын, поторопись, обед!

Подозрительно-знакомое явление героя в дверях с тем же «специфическим» выражением лица.

– Что опять случилось? Нарыбачился?

Молчание. Улыбнулся несмело.

Народ, заведомо зная, что так не бывает, как говорится «хохмы ради», поинтересовался: «Может, опять крючок?»

– Ага, – широко улыбнулся.

– «Только – вот», – рыбак продемонстрировал дубль два, крепенько засевший сбоку, чуть выше поясницы.

Немая сцена была недолгой. Не надо думать, что мы – злые, бессердечные, жестокие люди. Наши утренние треволнения не оставили сил для дальнейших переживаний и соболезнований. Наступила, как говорят в таких случаях, парадоксальная реакция.

Хохот стоял гомерический, смеялись все: взрослые, дети и даже, по-моему, кошки. Сам виновник происходящего хохотал от души, насколько позволяли ещё присоединённые к нему удочка и снасти.

Успокоившись немного, икая и вытирая обильно текущие слёзы, без комментариев протянула страдальцу пассатижи: «Помочь?»

«Не-а, я сам». Я – вслед: «Перекись в шкафчике, на обычном месте…»

«Знаю, знаю!» – нетерпеливым жестом закоротил меня герой и удалился в соседнюю комнату.

Чуть погодя, я на всякий случай всё же заглянула в приоткрытую дверь. Начало спасательной операции уже не застала. Удочка с сиротливо болтающейся леской скромно стояла у стены. Сын занял наиболее просматриваемую с его положения позицию перед старым, высоким трюмо (как оно кстати пригодилось!)

И, с уверенностью заправского «сам-себе-хирурга», лихо орудовал пассатижами, расправляясь со злостным крючком. Из чего можно было заключить, что самая болезненная и неудобная, с моей точки зрения, фаза операции – извлечение той самой зазубринки – была уже позади. Перекись стояла наготове.

Похоже, парень был всецело поглощён процессом.

Не совсем естественная поза, казалось, ничуть ему не мешала. Видимо, выручала гибкость, присущая почти всем 15-летним. На лице отражались полная погружённость, можно сказать, «спортивный интерес» к происходящему, азарт и предчувствие близкой победы в единоборстве с крючком. Во всяком случае,

никаких следов страдания на сосредоточенной физиономии не наблюдалось.

Видя, что дело и впрямь близится к благополучному финалу, я тихо удалилась. В мыслях промелькнуло утешительное: «Хорошо всё, что хорошо кончается».

Уже не дожидаясь добровольного мученика, садились за стол.

– Ну, что ж, может, наконец, пообеда… – фраза замерла на полуслове.

В дверях – наш Саша: влажное пятно сбоку на футболке (молодец, перекиси не пожалел), уже без крючка в боку. Он торжественно стоял в прежнем несокрушимо-лучезарном состоянии, крепко сжимая в руках удочку.

– ТЫ КУДА СОБРАЛСЯ?

С видом человека, который до конца не понимает, зачем, собственно, и почему он ЭТО делает, мой сын тихо, но непоколебимо произнёс: «На берег. Мам! Понимаешь – ну… надо мне». И…

Едва пожав плечами, задумчиво направился к выходу.

Обернулся в последний момент. Во взгляде что-то вроде: «Ну, ты-то, мам, точно поймёшь…»

БИАНА КУРЯКИНА,
педагог дополнительного образования,
(мама Курякиных Татьяны, Надежды и Федора)

Рисунок Хлыстовой Марии

Разговор на Висячем мосту

Этот разговор произошел в живописном местечке, которое давно облюбовали саровские молодожены, на подвесном мосту через реку Сатис.

Молодожены непременно заезжают сюда во время свадебных катаний по городу. Жених несет невесту на руках через мост, который раскачивают гости. Говорят, что однажды жених уронил невесту, и она сломала руку. Не знаю, правда ли это, но такое вполне могло быть. А в последние годы родилась еще одна традиция: на металлические тросы моста вешают замки. Там их собралась целая коллекция: от грубых амбарных до миниатюрных, в форме сердечка, выкрашенных в красный цвет. Мои девочки любят читать надписи на замках: «Совет да любовь», «Илюша +Танюша=любовь»…

– Мама, а почему жених с невестой вешают замки?

– Наверное, в знак того, что у них такая крепкая любовь.

– А от каких дверей эти замки? И где ключи от них?

– Это невидимые дверцы сердца. Через них впускают любовь и хотят, чтобы она осталась там навсегда. Влюбленные женятся, и эти замки показывают, что дверцы их сердец закрыты на один общий замок. Его запирают на ключ, а ключ бросают в реку, чтобы никто и никогда не смог открыть дверцы их сердец и выпустить оттуда любовь.

– Мама, смотри, этот огромный замок совсем проржавел. На нем стоит 2009 год. Неужели любовь так быстро изъела ржавчина? *(Эти барышни все воспринимают всерьез.)*

– А как вы думаете, можно удержать любовь с помощью замка?

В результате обсуждений пришли к выводу, что нельзя.

– Любовь – ведь это не клад золотых монет. Она – живая. Она рождается, растет, иногда болеет и даже умирает. Если с ней неправильно обращаться.

– Это как?

– Например, если ее не кормить.

– А что она ест?

Глаза детей от интереса горят.

Рисунок Финюшиной Ксении

– Подумай, если сестра принесет тебе конфету, твоя любовь к ней подрастет или уменьшится?

– Подрастет.

– А если она скажет тебе добрые слова?

– Еще немного подрастет.

– А если она тебя передразнит, толкнет, наябедничает или стукнет?

– Тогда я дам ей сдачи!

– И что останется от вашей любви?

– А пусть она первая не задирается.

– Понимаете, неважно, кто кого обидел первый. Если вы поссорились, любовь-то уменьшилась.

– Что же делать?

– Срочно покормить ее чем-нибудь питательным, чтобы она опять подросла. Любовь требует постоянной заботы, иначе она может захиреть и засохнуть, как растение без полива.

– А если злой волшебник, который хочет навредить людям, соберет со дна реки все-все ключи и откроет замки, чтобы любовь улетела из влюбленных сердец?

– Ну и пусть откроет, не беда. Если любовь не обижают, она никуда не уйдет. А если о ней не заботятся, она может умереть даже под таким прочным замком.

– Это хорошо, что злой волшебник не может навредить влюбленным, и все зависит только от самих людей.

– Нет, не все зависит от людей.

– ???

– Скажите, почему невеста полюбила именно этого жениха, а не какого-нибудь другого?

– Почему?

– Мы не знаем, почему. Это – тайна. Мы только знаем, что дает любовь Господь. В Библии так и написано: «Бог есть любовь». У людей иногда не хватает сил любить. Тогда они просят, чтобы Господь им помог в этом. Например, одна сестра стукнула другую. Та обиделась и не хочет мириться. Видеть не хочет сестру, не то, что любить. Но если она – умная девочка, то не хочет, чтобы любовь окончательно умерла. Поэтому помолится от всего сердца: «Господи, помоги мне простить сестру. Я сама не могу, ничего не получается».

– И что, помогает?

– Помогает, детки. Я проверяла много раз, помогает…

История про фамилию

Однажды я беседовала с отставным военным. Это был красавец-мужчина средних лет, блиставший военной выправкой и звучным командирским голосом. Грудь настоящего мужчины украшали воинские награды и знаки отличия. В разговоре речь зашла про его взрослую дочь. Но я сначала не поняла этого, поскольку знала ее под другой фамилией. Я высказала удивление: «Сонечка ваша дочь? А я этого не знала». Он, недовольно поморщившись, пояснил: «Дочь сходила замуж, разошлась. А ведь я предупреждал, чтобы она не меняла фамилию. Но она не послушалась моего совета и теперь носит смешную, неблагозвучную фамилию». Я опешила от того, что отец, казалось, был больше расстроен неудачной фамилией дочери, чем ее неудавшимся браком. Этот разговор всколыхнул воспоминание более чем двадцатилетней давности…

Я, тогда студентка-второкурсница, приехала навестить своего тяжело больного отца. Он лежал в столичной клинике сердечно-сосудистой хирургии в ожидании операции. За несколько месяцев мой дорогой папа изменился до неузнаваемости, внешне стал похожим на узника концлагеря. Я сообщила ему, что собираюсь выйти замуж. Он поздравил меня, но посетовал, что я поменяю фамилию. Наверное, он воспринимал меня, старшую дочь, как свою наследницу. Мы простились. Заплакать я посмела только тогда, когда за мной закрылась дверь.

Вскоре мы с женихом подали документы в ЗАГС. Заполняя заявление, я указала, что оставляю свою девичью фамилию. Мне хотелось порадовать отца и, кроме того, была маленькая личная причина. Дело в том, что фамилия жениха мне тогда казалась невероятно смешной. Когда она приходила на ум, меня прямотаки разбирал смех (сейчас это кажется странным). Перед бракосочетанием вся наша семья собралась вместе. Все съехались в Москву из разных городов. Мать потихоньку умыкнула отца из больницы, а жениха армейское начальство нехотя отпустило в увольнение.

Предвкушая папину радость, я сообщила ему, что фамилию менять не буду. Что тут с ним сделалось! – «Что? Я не верю

своим ушам! Да как ты посмела! Неужели моя дочь оказалась способной на такую низость»! Я стояла виноватая, как щенок возле лужицы. Папа немного успокоился и произнес: «Дочка, запомни на всю жизнь. Жена должна принадлежать мужу всецело, без остатка».

Конечно же, я поменяла фамилию, ловя благодарный взгляд жениха, вернее, уже мужа. Я видела папу последний раз на своей свадьбе. Вскоре он умер. Спи спокойно, дорогой папа, я запомнила твои слова на всю жизнь. И передам это драгоценное наследство своим дочерям. Они – как золотой ключик, приносящий счастье в семейной жизни. Жена должна принадлежать мужу всецело, без остатка.

«Господь мне показал, как нужно трудиться»

В СССР Первомай назывался Днем международной солидарности трудящихся и ассоциировался с обязательным участием в демонстрациях и коллективным отдыхом на природе. Сейчас это – День весны и труда, когда многие дружно сажают картошку. Но какое отношение имеет праздник труда к Православию?

Бог заповедал Адаму добывать хлеб в поте лица, то есть трудиться. Господь Иисус Христос призывает к себе не праздных бездельников, а всех «труждающихся и обремененных». Апостол Павел сказал: «…если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». (2 Фес. 3, 11). Правда, это изречение теперь более популярно в переделанном виде – «кто не работает, тот ест». А еще появился термин «трудоголизм», обозначающий чрезмерное трудолюбие. Где же золотая середина? И как определить меру трудолюбия? Как ответ на этот непростой вопрос вспоминается рассказ одной нашей прихожанки…

– Однажды во время литургии в Свято-Троицком соборе Дивеевского монастыря я приложилась к мощам Преподобного и попросила: «Батюшка Серафим, помоги мне избавиться от лени». Помолилась и отошла. Стою, переминаюсь с ноги на ногу. Так лень стоять на службе, мочи нет! Вдруг монахиня обратилась к женщине, стоявшей неподалеку, с просьбой помочь поработать. «Извините, но мы сейчас должны уехать», – ответила паломница. «Давайте, я помогу», – вызвалась я, чтобы только не стоять на службе. Монахиня провела меня по винтовой лестнице, ведущей наверх храма. Там несколько женщин делали пакетики и фасовали освященные сухарики. Дело несложное. Я поработала до конца литургии и для приличия еще немного. Потом засобиралась. Монахиня не стала удерживать: «Вам уже пора? Тогда до свидания».

Я спустилась вниз и вспомнила, что забыла зонтик. Вернулась. Снова попрощались. Внизу обнаружила, что взяла зонт, но оставила сумку. Вернулась вторично. Попрощались еще раз. Но когда я вернулась в третий раз, монахиня не выдержала и рассмеялась: «Батюшка Серафим вас не отпускает. Надо поработать еще». И я продолжила фасовать сухарики.

Потом нам принесли вкусный домашний творог со свежеиспеченным хлебом. Мне все это показалось необыкновенно вкусным. А в конце работы монахиня достала из сундука чугунок Преподобного, в котором освящают сухарики, и надела его поочередно каждой женщине на голову. Это выглядело очень забавно. Но когда дошла очередь до меня, я ощутила огромную радость и благодать. В итоге, я потрудилась около шести часов, так, что ощутила приятную усталость. Возвращаясь домой, я вдруг вспомнила, о чем просила Преподобного – о том, чтобы избавиться от лени. Тогда я поняла, что Господь мне показал, как нужно трудиться. Не до переутомления и раздраженности, нет, а до тех пор, пока не возникнет чувство приятной усталости.

Рисунок Кустовой Марии

* * *

Сныти веточку грызу –
Сочную, весеннюю.
В Божий храм себя несу,
В радость Воскресения.
Вот я, Боже, пред Тобой.
Дай душе моей покой.
Накажи иль награди,
Только прочь не прогони.
В радости и горе
Дай мне быть с Тобою.
В жизни временной и вечной
Дай мне быть с тобою.

На Дальней пустынке

Вхожу в саровский лес, как в храм.
Болеет лес – как наши души.
Саровки русло еще суше,
Пешешествуем по пескам.

Коряги, мусор здесь и там,
Вода на донышке колодца.
Здесь Преподобный не напьется,
Когда придет на землю к нам.

Черничник ягод не дает.
Грибы покинули то место.
На фоне Батюшки – жених с невестой.
Здесь фотосессия идет.

И мишка к старцу не придет.
Макет медведя пустотелый
В наш век подмены оголтелой
Уж не смутит честной народ.

Серафим

Застыл в молитве духа исполин,
И лишь пернатых певчих стая,
Богослуженью помогая,
Кружится весело над ним.

Снуют машины – мимо, мимо.
У всех заботы и дела.
Но в келью старца Серафима
Неужто праздность привела?

Икона, печка и свеча.
Молитва в сердце проникает.
И все тревоги удаляет,
Как будто скальпелем врача.

Рисунок Цыбряева Григория

Услышишь в келье тишину,
И время в ней остановилось.
Здесь ближе Бог и Божья милость,
Готовая простить вину.

Хоть болен лес и искалечен,
Под сенью вековых елей
Прольется в душу тот елей,
Что умягчит ее, излечит.

И ты почувствуешь покой,
И что Господь нас с рук не сбросил.
Благодарим Его и просим
Благословить наш путь земной.

Под тонкой рябью бытия
Идут духовные сраженья.
А мы лишь видим отраженья,
Как блик свечи на строках жития.

Ближняя пустынка

Жезлом Моисей ударил,
И фонтан воды истек.
А у нас тут Божья Матерь
Источила ручеек.
Вкусный, сладкий и целебный.
Преподобный Серафим
Все вокруг благоустроил,
Сруб поставил рядом с ним.

И молитвами святого
Исцелялся русский люд.
Потянулися к Сарову
Богомольцы – тяжкий труд.
Исцелял Господь немало.
И на берегу реки
Костыли горой сложили
Да с веселием сожгли.

Царь в источник окунался
И Царица вместе с ним.
И прекрасного младенца
Вымолил им Серафим.
Богоборцы тот источник
Захотели истребить,
Чтобы люди Серафима
Поскорей могли забыть.

Но сменились поколенья,
И поставлен чудный храм.
На иконе – Матерь Божья
Жезлом бьет, кипит фонтан
Ледяной воды студеной.
Перед Нею – Серафим,
И коленопреклоненно
Молится за нас. Аминь.

Саровский мотив

Облака и река проплывают мимо.
Я иду, творя грехи, Стежкой Серафима.
Запах хвои молодой, тиньканье синички
Указуют, что менять мне пора привычки.
Божья тварь поет Творцу, славу воспевая.
Я ж святыни лишь топчу, Бога забывая.
Как молюсь я, промолчу, или как пощусь я.
И пока не грянет гром, не перекрещусь я.
Что в Сарове я живу, по мне незаметно.
И к святыням прихожу прикоснуться редко.
Не в чести у нас пророк, тот, что нас прославил,
Что молитвою своей грешных не оставил.
Мы его устами чтим, а душой – далече.
Преподобный, – говорим, – свыше был отмечен.
Удивляемся ему, но не подражаем.
И советами его мы пренебрегаем.
Облака, как века, проплывают мимо.
Хоть бы капельку любви взять у Серафима.

Рисунок Воронина Владислава

ЮЛИЯ СКУЗОВАТКИНА,
мама Степана и Дарьи Скузоваткиных

Рисунок Бутузовой Александры

Молитва преподобному Сергию

Преподобный Сергий, ты мне помоги
Научи молиться и благослови:
Хорошо учиться и послушным быть,
Мамочку, братишку, Господа любить.
Если обижают, сдачи не давать,
И на зло товарищей добром лишь отвечать.
Правильную тропку в жизни отыскать,
А в трудную минуту на Бога не роптать.
Дай мне сил молиться за семью, друзей,
Чтобы жили дольше, чтоб спаслись скорей.
Когда стану взрослым, от храма не уйти
И в молитве к Богу радость обрести.
Ты молился много, Господа любил,
Потому святым стал, Богу угодил.
Я же без поддержки, без твоих молитв
В суете погибну, Господа забыв.
Преподобный Сергий, ты мне помоги,
Научи молиться и благослови.

Славный город

Много-много лет назад не стоял здесь славный град.
Лишь вокруг был лес дремучий. Да над лесом темны тучи.
Длилось это много лет. Но где был звериный след,
Вдруг пришел туда святой, и ожил весь лес пустой.

Преподобный стал трудиться, он работал и молился,
Потому Господь его не оставил одного.
То медведь к нему ходил, меда с хлебушком просил.
Преподобный выходил и его из рук кормил.

То народ к нему простой приходил большой гурьбой.
Отче Сергий всех встречал, с наставленьем провожал.
Всем хотелось с ним дружить и, конечно, рядом жить.
И чтоб с ним не расставаться, стали рядом поселяться.

Так появился славный град, называемый Посад.
Сергиевым Посад назвали, чтобы все на свете знали,
Что Святой в нем Сергий жил, а жизнь Богу посвятил.

Рисунок Скузоваткиной Дарьи

Два сына

Было у отца два сына и он, не жалея сил,
Всему, что только умел сам, своих сыновей учил.
Но выросли быстро детки, женились и уехали прочь.
А отец стал старый-старый, пахать землю и сеять невмочь.

Вот зовет он старшего сына: «Приедь! Помоги сынок!»
– Да! Конечно! Приеду родимый, ты погоди чуток!
Но пролетела неделя вторая, а сыночка не видать.
Придется, видно, другого сына на помощь звать.

А второй вдруг рассердился: « Ты что? Забыл что ли дед?
Не для того я женился! У меня времени нет!»
Но прошла только ночь. Отец видит – дорога в пыли.
Второй сын на подмогу едет: «Ты, отец, прости! Прости!»

И заплакал отец: «Сынок мой! Осудил вас я по словам!
А теперь, видит Бог, прозрел я! Судить нужно по делам!»

Крестик

Нет, я не суеверная! Я это так шучу!
Чтоб не случилось что-нибудь, по дереву стучу.

Бежит малыш по лестнице, сжав сильно кулачок,
Нашел он что-то важное! Нет! Это не значок!

Звонит… «Мам, открывай скорее же! Смотри что у меня!
Да!!! Это крестик, мамочка! И спас его ведь Я!»

Примета нехорошая… «Зачем в дом притащил?
Зачем взял в руки, сыночка? Ну, кто тебя просил?»

А мальчик удивляется: «Так крестик попросил!
Смотри что тут написано – СПАСИ И СОХРАНИ!
Я спас его от грязи и дома сохраню!
На крестике мой Боженька! И я его люблю!»

Имейте веру детскую, хоть и смешна порой!
Ведь только в чистой вере есть Бог!
И Бог живой!

ВАЛЕНТИН ЮРЬЕВ,
дедушка Нади Тимофеевой

Рисунок Серафимы Шатровой

В пламени свечи Нового года

Бокал с шампанским выпить не спеши.
Сквозь пузырьки на пламя, на свечу
Взгляни и ощути тепло души,
Пусть далеко, я рядом быть хочу!

Две тысячи двенадцатый летит,
Неотвратим, как скоростной экспресс,
Нет семафоров на его пути
Несётся вдаль, сметая боль и стресс!

И вслед за ним прохладная волна
Всё смоет, только руки протяни,
Обид печаль проглотит глубина
И превратит в блестящие огни.

Ты там, где звёзды сбились в молоко,
В далёких галактических мирах,
Так поднимай бокал «Мадам Клико»!
Был старым этот год ещё вчера,

А вот сейчас седых курантов звон
Спокойно, с торжеством, провозгласил,
Что Новый Год пришёл! Вот он!
Ещё удар двенадцатый висит!

Волшебный миг пускай закружит нас
А время никогда не разлучит.
И в ярком блеске ламп, гирлянд и глаз
Мы будем вместе в пламени свечи.

Колыбельная сыну

Колючим ёжиком волос
Потри усталую ладонь...
Твоё взросленье началось,
Мальчишка мой. Пирамидон.
Лекарство, стимул, цель и свет,
Ты – запоздалая сирень...
Уже не нужен мой совет,
Меня ж замучила мигрень.
От ломки голос хрипловат,
Хоть нет ещё басовых нот.
А дури – целый киловатт,
И в каждом слове дерзость, но
Меж строк читаю я легко
Любовь, привязанность и грусть,
А потому не слишком строг,
Ведь мы ведём одну игру.
С тобой светло. Уходят прочь
Букет обид, усталость, боль,
И нас вдвоём качает ночь,
Фантазий сказочный прибой.
Расскажешь, как весь день прошел,
Потом уснёшь в моих руках,
Мой мальчик, кожи твоей шелк
Согрелся на седых висках.
А мне лежать, перебирать
Кино событий, свою жизнь
И память, вечная тетрадь,
Во тьме рисует миражи.

Ответ пессимисту

Рисунок Королевой Татьяны

Плакала осень, сквозь слезы грозя:
«Вот, погодите, зима уже близко!»
Плавали листья, по лужам скользя,
Ветер гнал тучи над городом низко.
И, разыгравшись, швырял, озорник,
Капли холодные за воротник.

Вот налетели, пурга и метель
Осень злорадствовала: «Пропадете!»
Хлопала, двери срывая с петель,
Ухала: «Холод и голод – не тётя!»
И чернотою безлунных ночей
Пламя гасила холодных печей....

Как же хотелось упасть и молить:
«Не покидай нас, о, добрая осень,
Можешь всю землю водою залить,
Дай нам тепла во спасение, просим!»
Страх неизвестности страшен вдвойне,
Души сжигает в холодном огне.

Утром… все стихло…. Уютный… покой…
Город мой снежным накрыл покрывалом….
Что ж мы боялись? Напасти какой?
Лужи замерзли... И грязи не стало….
Пухом снежинка прижмется к щеке….
Крикнут мальчишки!.. Каток на реке!

АННА ЮРЬЕВА,
мама Нади Тимофеевой

Город детства

Мой город. Он врастет в меня корнями,
И свяжет паутинами дорожек,
Которые, дорогу сокращая,
Через дворы бегут наискосок.
И до земли задумчиво склонится
В березовом чарующем поклоне.
А храмы засверкают куполами,
И будет перезвон их так высок!

Здесь дятлы отчитают мне морзянкой
Все новости и сплетни наших улиц.
А корни у земли, как вены, вздулись
На старческой морщинистой руке.
Мой город хочет, чтобы я осталась.
Ворчит, скрипит стволами старых сосен.
Не в силах удержать, лишь тихо просит,
И теплым ветром гладит по щеке.

Мой двор… Он столько якорей
Забросил в памяти моей.
Гремят их цепи каждый раз,
Когда я мимо прохожу.
Повеет детством на меня
Из всех окон, и всех щелей.
И я пойму, что сил уехать
Я в себе не нахожу.

Старая сказка

У Лукоморья дуб, и кот, и цепь,
И сказка так знакома и стара.
Весенним ветром прилечу его согреть,
Но огрубела старая кора.
Могучий ствол стремится к небесам,
Кот-сказочник едва меня узнал,
Русалка прочно приросла к ветвям,
Мой вороненок стар и мудр стал.
А раньше дуб был зелен и упруг,
Со мной, смеясь, качался на ветру,
И смех русалочий звенел на всю округу.
Лучами солнца щекочу его бока –
Невозмутим. И так кора его прочна!
Не узнаю совсем былого друга.

Рисунок Ильи Асташова

Чешу за ушком старого кота,
Мои он ласки помнит до сих пор.
Но бьют часы, кот начинает сказ…
И мудрый ворон каркнет приговор.

* * *

Окунаться с головою в запахи,
как в траву,
Из наивных слов сплетать тонкую
бечеву,
Пить губами жадными нежность рук,
как росу,
Жизнь свою, как перышко, взвешивать
навесу.

ВАСИЛИЙ РЕПИН,
дедушка Алены Репиной

Рисунок Евстропова Дмитрия

С внуком

Мы считаем ночью в речке, сколько звезд туда упало.
А потом на берег смотрим, а на берег – ни одной…
Но с рассветом эти звезды прячутся куда попало –
Под коряги да под корни или в жидкий ил речной.

Днем купаемся мы с внуком в маленькой лесной речонке.
Ищем звезды под корягой, под корнями и на дне.
Вот опять недоуменно он развел свои ручонки –
Ни единой ни попалось, так же, впрочем, как и мне.

Шли домой мы, как из сказки, после суток на природе.
Я туристом был бывалым, стал и внука приучать…
А зимой нет-нет и вспомнит мой внучонок о походе,
Как приятно было утром первым солнышко встречать…
Но потом уже не звезды – я считал одни утраты.
Внук подрос, стал выше деда, все с друзьями, не один…
Но сегодня подошел он, меня обнял виновато:
«Дед, пойдем на речку на ночь, хоть на звезды поглядим».

У реки Порусье

Клен стоит, как солдат на посту.
Роща радужной аркой увенчана.
Ива в речке полощет листву,
Наклонившись над нею, как женщина.
Что за грусть притаилася здесь,
В отцветающих ветлах, рябинах ли?…
– Женихи-то, – шучу, – у вас есть?
– Ох, давно на войне перебили их…
Да, вот здесь грохотала она.
Тут дубы прежде были могучие.
С корнем вырвав, сожгла их война.
Будто вдовы, березы плакучие.
Клен стоит на пригорке пустом
Перед рощей, ветрами исхлестанной.
А ночами я слышу в ней стон:
Даже ночью скрыть горе не просто ей…

* * *

Высоки звонницы в России
И златоглавы купола.
И в унисон гудят из сини
Небесные колокола.
Люблю я слушать колокольный,
Плывущий над землею звон,
Так на Руси ему привольно –
Плывет, куда захочет он…
Лишь только б слух не потерять нам
К небесным тем колоколам,
Чтоб никогда на поле ратном
Русь не делилась пополам!
Чтоб брат всегда остался братом
И долг святой считал за честь,
Когда колокола набатом
С врагами позовут на сечь…

Рисунок Гусихиной Марии

Содержание

НАТАЛИЯ СУЗДАЛЬЦЕВА
Хочешь быть Пушкиным? Будь!.. 2
Школа 3
ЕЛЕНА ЕРШОВА
В Сарове мы живём, друзья, 5
ТАТЬЯНА ГРИШИНА
Отрывок из повести «Праздники души, или Васюта» 7
ИНЕССА ШЕВЦОВА
Почти грибная история 19
Огонек 22
АЛЕКСАНДРА БРАЖНИКОВА
Ещё раз о витаминах... 25
Летом... 37
БИАНА КУРЯКИНА
Разговор на Висячем мосту 44
История про фамилию 47
«Господь мне показал, как нужно трудиться» 49
Сныти веточку грызу... 51
На Дальней пустынке 51
Серафим 52
Ближняя пустынка 54
Саровский мотив 55
ЮЛИЯ СКУЗОВАТКИНА
Молитва преподобному Сергию 56
Славный город 57
Два сына 58
Крестик 59
ВАЛЕНТИН ЮРЬЕВ
В пламени свечи Нового года 60
Колыбельная сыну 62
Ответ пессимисту 63
АННА ЮРЬЕВА
Город детства 65
Старая сказка 66
Окунаться с головою в запахи... 67
ВАСИЛИЙ РЕПИН
С внуком 68
У реки Порусье 69
Высоки звонницы в России... 70

Дети слушают взрослых. Сборник произведений
Редактор – Наталия Суздальцева
Компьютерная вёрстка – Роман Турусов
Рисунок на обложке – Хлыстова Мария
Отпечатано в типографии СГТ
Тираж – 50 экз.